

ЭВОЛЮЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СИБИРСКИХ ТАТАР

Т.В. Хвесько, О.В. Нагель, Ф.Х. Гильфанова, Н.Ю. Басуева

Аннотация. Рассматривается эволюция аксиологической модальности в антропонимической системе сибирских татар в синхронии и диахронии, в совокупности тесно связанных между собой параметров языка и речи. Разграничение синхронического и диахронического подходов связано со словообразовательными единицами языка, в которых содержится информация о системе ценностей этноса. Оценка в синхронии определяется как состояние сознания субъекта речи. Это проявляется в таких параметрах, как источник знания или мнения, цель сообщения, эмоции и желания, степень уверенности. Рассмотрено функционирование языковых концептов в определенный исторический период как «имя (слово) = носителю», «имя (слово) = слову божьему», «имя = символ», где основной единицей изучения является слово в его лексико-семантических связях. Оценочность как совокупность семантико-стилистических признаков единиц языка обеспечивает способность выступать в коммуникативной речи (практической) средством субъективного выражения отношения говорящего к содержанию речи. Это является признаком субъективной модальности. Изучение аксиологической модальности в диахронии позволило выявить причины смены одних языковых концептов на другие, а также установить, какой модус послужил базовым для когнитивных модификаций. Изучение модусов субъекта в синхронии отражает человеческие когнитии на определенной ступени развития общества. В диахронии – в процессе исторического развития этноса, концепты закрепляются в архивных документах, речевых произведениях, будучи зафиксированными письмом или человеческой памятью, они относятся к объективной модальности. Рассмотрение эволюции модусов (речемыслительной деятельности субъектов) в тесной связи с историей общества, развитием языка, а также закономерностями семантических процессов в лексике, закономерностями внеязыковых логических или психологических явлений представляет собой аксиологическую модальность в диахронии. В структуре оценочного суждения в синхронии, по существу, рассматривается лексико-семантическое развитие антропонимов сибирских татар, где под лексическим значением слова-антропонима понимается как его семантика, так и прагматика, которая включена в модальную рамку толкования и одной из особенностей которой является способность смысловой структуры слова проявляться через лексико-семантические подсистемы: синонимические ряды, лексико-семантические и экспрессивно-стилистические группы слов.

Ключевые слова: эволюция; аксиологическая модальность; оценка, оценочность; ценностный мир; антропонимическая система.

Введение

В лингвистических исследованиях модальность, отражающая различные аспекты отношения говорящего к содержанию высказыва-

ния, изучена широко, а вот рассмотреть эволюцию аксиологической модальной системы представляется одной из наиболее сложных задач. В статье мы пытаемся рассмотреть эволюцию модальных связей и отношений в оценочных суждениях древних тюрков, кипчаков, сибирских татар, увязывая их с тесно связанными между собой параметрами *языка и речи*, определяя, как соотносятся между собой «говорящий» / *носитель языка – речь практическая / теоретическая речь; язык – содержание высказывания / объективная действительность*.

К модальности научного текста как лингвопедагогической проблеме обращался И.В. Антипов (2008), обзор теоретических изысканий в области лингвистической модальности, выражение субъективной модальности разноуровневыми языковыми средствами рассмотрели Т.И. Кочеткова и О.Н. Соловьева (2014), функционально-семантические особенности средств выражения модальности в современном немецком языке представила Е.И. Брутчикова (2014), когнитивную стратегию языковой модальности исследовали М.Н. Самойлова и М.В. Шепелева (2018), понятийное содержание воли в семантике изучала А.В. Сытько (2019).

Наиболее близок к нашему исследованию подход А.И. Приходько в работе «О соотношении оценки и модальности в языке» [1]. Автор уделяет внимание связи субъективной модальности и оценки, подчеркивая, что оценку и модальность необходимо изучать как феномены разного порядка. Когнитивный подход, по мнению автора, дает возможность расширить рамки оценки, выходящей за пределы модальности, поскольку модальность есть отношение к действительности вообще, а оценка предусматривает не только отношение к объектам окружающего мира, познание, осмысление и оценивание действительности, но и отношение субъекта к результатам познания [1. С. 42]. Мы исходим из того, что категории оценки и модальности сложны и многоаспектны, поэтому изучаем их в логико-семантическом аспекте, а также с точки зрения психолингвистики и теории коммуникации, что дает нам возможность для более глубоких языковедческих исследований, а когнитивное направление в рассмотрении языковых явлений позволяет по-новому осветить взаимосвязь этих двух категорий.

Русские языковеды И.А. Бодуэн де Куртенз и Ф.Ф. Фортунатов еще на рубеже XIX–XX вв. отмечали необходимость ограничивать синхронное словообразование от диахронического. Занимаясь историей языка, ученые большое внимание уделяли теории синхронного языкознания и в частности теории синхронного словообразования, подчеркивая, что факты одной эпохи нельзя объяснить, измерить мерками другой [2; 3. С. 291]. Мы рассматриваем функционирование языковых концептов в определенные исторические периоды, образно представляя «имя (слово) = носителю», «имя (слово) = слову божьему», «имя = символу», где основной единицей изучения является слово в его разнообразных

лексико-семантических связях [4. С. 8]. Разграничение синхронного и диахронического подходов имеет большое значение при изучении словообразования в антропонимической системе для выявления в словообразовательных единицах языка информацию о системе ценностей этноса. Это объясняется тем, что слово является такой единицей языка, которая может менять свое значение, не меняя формы, утратить значение, актуальность семантики и стать чистым символом.

Ранее в своих работах мы уже исследовали семантику прилагательных в антропонимической системе тобольских татар в лингвоаксиологическом аспекте, рассмотрели особенности формирования их системы в разные периоды исторического развития, начиная с середины XVIII в. до конца XIX в. по архивным источникам. Установлено, что ценности формировались вместе с именем с древних времен, претерпевали изменения и сохранились до наших дней [5. С. 546].

В данной статье мы пытаемся проследить, как на основе ценностно-оценочных отношений в именовании сибирских татар развивались модусы древних тюрков, кипчаков, сибирских татар в синхронии и диахронии; что повлияло на смену модусов; как структура оценочного суждения (оценивающий субъект, оцениваемый объект, характер оценки) связана с антропонимической системой, например, древнетюркского или древнекипчакского языка.

В ходе исследования нам удалось установить, что первопричиной смены модусов древних тюрков, кипчаков и сибирских татар стала объективная действительность (исторические процессы взаимодействия племен и родов, процесс тюркизации и исламизации) [6. С. 36]; второй причиной является степень религиозности носителей языка. Мы выяснили, что модус субъекта (носителя языка) по поводу содержания высказывания (имени) должен соответствовать модальной рамке толкования. Если меняется модальная рамка толкования, то меняется и объект (родоплеменные имена; индивидуальные, персонифицирующие; исламские имена, имена-символы), и его языковая система (антропонимическая система древних тюрков, кипчаков, сибирских татар). На основе схем оценочного суждения нам удалось показать, как создаются и передаются от одного поколения к другому языковые когниции.

Методология исследования

В данном исследовании мы использовали материал из русских архивных источников, а именно ревизий населения середины XVIII – XIX вв. и Первой всероссийской переписи 1897 г., доступный в настоящее время в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО. Ф. 154, 417. Оп. 8). Мы обратились к трудам Г.Ф. Саттарова [7. С. 83], В.У. Махпирова [8. С. 290] для характеристи-

ки особенностей функционирования антропонимов в древнетюркскую эпоху и Средневековье.

Основой для написания данной статьи явились такие *теоретические методы*, как изучение и анализ в трудах отечественных ученых-языковедов. В частности, проблема философской аксиологии разработана в работах Е.Ф. Серебрянникова, В.А. Василенко, М.С. Каган, В.В. Ильина и др., вопросами лингвистической аксиологии в разные периоды занимались Н.Д. Арутюнова, Г.Ф. Саттаров, Г.А. Багаутдинова, Л.К. Байрамова, З.К. Темиргазина, В.Г. Гак, Г.В. Колшанский, Р.Р. Замалетдинов и т.д., оценочная семантика рассматривалась В.Н. Гридиным, Е.Г. Беляевской, М.С. Ретунской, Э.Н. Меркуловой, Н.А. Лукьяновой и др., проблемам семасиологии посвящены труды ученых Казанской тюрко-татарской ономастической научной школы под руководством Г.Ф. Саттарова и его последователей (А.Г. Шайхулов, Ф.Ю. Юсупов, М.И. Ахметзянов, М.А. Залялиева, Ф.Л. Мазитова, Г.Р. Галиуллина, Ф.Г. Вагапова).

О проблемах самоопределения татар Западной Сибири в начале XXI в. писал Д.М. Исхаков, одна из которых заключается в том, что проводится политика по этнической дивергенции, т.е. расщеплению татарского народа на более мелкие группы. Привлекались региональные материалы конференций в городе Тобольске: «Культурное наследие народов Западной Сибири» под редакцией З.А. Тычинских, материалы XII–XIII Всероссийских научно-практических конференций «Историческая судьба Искера» и II Всероссийской научно-практической конференции «Историко-культурное наследие сибирских татар и коренных народов евразийского пространства: истоки и современность» под редакцией Л.А. Шамсутдиновой. Сравнительно-исторический метод дал возможность рассмотреть историю развития собственных имен сибирских татар. Большую роль в исследовании сыграло анкетирование, интерпретация результатов которого позволила достичь поставленной цели.

Исследование и результаты

В системе языка существуют личные имена, которые различаются только по полу (женские и мужские), имеют общие признаки, которые объединяют их в одну общность. Так, например, *Айнур, Булат, Костя, Миша* – это: а) татарские и русские имена; б) называющие человека; в) мужского пола; г) обозначающие совокупности с подобными антропонимами; д) оформленные согласно лексическим и грамматическим правилам соответствующего языка. Но у этого ряда имен есть еще внутренняя форма.

Развивая идеи А.А. Потебни, согласно которым под внутренней формой слова понимается способ вхождения в сознание субъекта нового содержания, получается, что внутренняя форма личного имени включает

те субъективные представления об имени, руководствуясь которыми родители называют своего ребенка, тем самым имя приобретает определенный смысл. При этом на первое место выходят не вышеуказанные общекатегориальные признаки, а внутренняя и внешняя формы определенного имени, которые воспринимаются говорящим весьма субъективно и индивидуально, т.е. налицо все признаки субъективной модальности.

Внешняя форма имени отражает звучание, национальный характер, сочетаемость с именами близких родственников и др. Внутренняя форма имени образуется под влиянием различных факторов, которые входят в модальную рамку толкования (мусульманские традиции, согласно которым имена даются в честь святых, проповедников ислама; исторические традиции в имянаречении; мода на некоторые имена, подчеркивающая их современность; семейные традиции, обычаи семьи и близких родственников; наречение в честь исторических деятелей, национальных героев и др.) В этом случае данные признаки служат внутренней формой личных имен и являются мотивировкой для наречения новорожденного именем, где субъективизм является главным критерием и руководством при выборе имени для ребенка.

Как известно, модальность высказывания основывается на оценке, по мнению Б.А. Успенского, на «идеологической точке зрения», выражаемой в процессе речемыслительной деятельности [9. С. 151]. В таком случае оценка в синхронии определяется как состояние сознания субъекта речи, проявляющееся в таких параметрах, как источник знания или мнения, цель сообщения, эмоции и желания, степень уверенности, возможности и подобное, которая включает широкий модусный спектр речи [10. С. 113]. К тому же оценочность как совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка обеспечивает способность выступать в коммуникативной речи (практической) как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или объекту речи, что является признаком субъективной модальности.

Изучая модусы речемыслительной деятельности субъекта в синхронии, мы рассматриваем функционирование языковых концептов в определенный исторический период (например, имя = носителю, имя = слову божьему, имя = символ), т.е. выделение лексико-семантических групп, в которых заключена двойная природа системы, где основной единицей изучения является слово и его лексико-семантические связи. Проведенный лексико-семантический анализ антропонимов показывает, что оценочность является средством проявления экспрессивности слова. Под экспрессивностью понимается совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать средством субъективного выражения отношения родителей к номинируемой личности. Такая экспрессивность достигается и с помощью прилагательного типа красивый(ая) как, т.е. образного

сравнения с цветами, которые классифицируются под общим названием *имена-описания* (*Чачак, Гульнара (п.)* – «цветок граната»), с крепкими, сильными животными, объединенными по общим названием *имена-пожелания* (*Арслан* «лев», встречающееся у всех тюркских народов: *Болан, Руслан*), и имена-посвящения, содержащие эпитеты Аллаха (теофорные имена), которые сыграли значительную роль в формировании сибирско-татарского именника до середины 1820-х гг. В данный период мужские имена носили религиозный характер и восхваляли ислам, религиозных деятелей. За антропонимической лексико-семантической группой, выраженной существительными, стоит всегда оценочная семантика прилагательных (*Тимербай* (сущ.), т.е. сильный, крепкий как железо).

Рассматривая аксиологическую модальность в структуре оценочной антропонимической семантики сибирских татар, можно говорить о том, что структура оценочного суждения связана с языковой системой определенного языка, например древнетюркского или древнекипчакского. В структуру оценки как логической категории входят четыре компонента: оценивающий субъект, оцениваемый предмет или объект, характер оценки, основание оценки. Эти компоненты соотносятся с компонентами языковой семантики оценки, отражающей структуру оценочного суждения. Субъект выражает субъективные смыслы (мысли), т.е. результатом речемыслительной деятельности субъекта являются модусы, например, древних тюрков, кипчаков, сибирских татар. Итак, модус отражает речевое поведение субъекта, носителя языка, который пользуется практической речью. Объект (= *имя* = *слово*) в структуре оценочного суждения связан с языковой системой, например антропонимической системой древних тюрков, кипчаков, сибирских татар.

Другие компоненты оценочного суждения – основание оценки, выражает отношение субъекта к норме, этике и морали в структуре оценочного суждения и характер оценки (выбор модальных значений в период именованья), которые входят в модальную рамку толкования. Концепция «*модальная рамка*» включает информацию о фактах и событиях, которые повлияли на выбор модальных значений имен в определенный исторический период. Модус древнего тюрка, как установка говорящего в структуре высказывания, соответствует определенной модальной рамке толкования, но ее изменение повлияет на параметры оценочного суждения. Как было уже отмечено, модус древнего тюрка на уровне языковых концептов выражается как *имя* = *носителю*, где *имя* = *слову*, т.е. объект в структуре оценочного суждения связан с языковой системой древних тюрков. Древнетюркский язык как орудие общения реализуется видом общения как практическая речь. В логическом аспекте мы имеем дело с модальностью речемыслительной деятельности древних тюрков. В функциональном аспекте язык связан со средствами выражения этой модальности, например грамматическими, лексическими и другими.

Становление *модальной схемы 1* древних тюрков прослеживается в древнетюркский период развития с V по X вв.

Период	Субъект	Объект	Характер оценки	Основание оценки	Модусы, концепты
Древне-тюркский V–X вв.	Род, племя	Родовые, племенные имена	Выбор рациональных оценочных значений	Языческая вера, поклонение куклам	<i>Модус древних тюрков</i> Имя = носителю (роду, племени)

Схема 1

Субъект представлен в данный период разрозненными родами и племенами древних тюрков, и он выражает свои мысли по поводу именования рода, племени. В качестве объекта выступали родовые и племенные имена (известен род тайбугинов, местных татарских правителей, сохранились родовые имена тобольских татар абайтуклар, хамитуклар). Модальная рамка толкования складывается в соответствии с уровнем религиозности древних тюрков (вера в изображения кукол), характер оценки, т.е. выбор модальных значений имен связан в большинстве случаев с выбором рациональных значений, где имя выполняет защитную функцию. Таким образом, имя было органично связано с религиозными ритуалами, существовало одно рациональное оценочное значение для коллектива людей, связанных кровнородственными отношениями, т.е. существовали родоплеменные имена.

Причиной смены модуса древних тюрков на модус древних кипчаков стала объективная действительность, т.е. исторический процесс взаимодействия племен и родов, что привело к изменению уровня религиозности (языческая вера каждой личности в защитную функцию имен), переход от родоплеменных имен к индивидуальным, персонифицирующим.

Таким образом, модусы древних кипчаков отразились в *схеме 2* и связаны с появлением персональных имен как имен-оберегов. Модальная рамка толкования отражала сознание кипчаков о том, что имя имеет некую глубинную внутреннюю сущность, основной функцией которой была защитная, индивидуализирующая личность. В результате модальных оценочных отношений между субъектом и объектом складывается имя с определенным модальным значением, смысл которого должен соответствовать носителю, что воспринимается субъектом как реальность, действительный факт [11. С. 65]. В данный период исторического развития существовала основная концепция тождества имени и природы носителя. Субъект продолжал выбирать рациональные модальные значения имен, но и прибегал к сенсорным оценочным значениям, которые зависели только от чувственного отношения к объекту и в древний период могли быть скрыты под противоположной семантикой, например, *Яман* – плохой. Выбор сублимированных оценочных модальных значений зависел от этических, эстетических отношений в обществе [11–14].

Период	Субъект	Объект	Характер оценки	Основание оценки	Модусы, концепты
Среднетюркский X–XV вв., доисламский	Старшее поколение семьи, родители	Персональные имена	Устойчивы имена с рациональным оценочным значением, увеличиваются с сублимированными и сенсорными оценочными значениями	Языческая вера и внедрение исламской религии	Модус древних кипчаков Имя = носителю (личные имена)
Новотюркский XV–XIX вв.	Родители, старшее поколение, религиозные деятели (муллы, имамы)	Персональные имена + эпитеты Всевышнего	Устойчивы имена с рациональными, увеличиваются с сублимированными и сенсорными оценочными значениями	Принятие исламской веры, арабо-персидские традиции	Модус сибирских татар Имя = слову Всевышнего

Схема 2

В функциональном аспекте древнего кипчакского языка происходило зарождение лексико-семантической группы, например имена доисламского периода развития, выраженные прилагательными, существительными, глаголами. В структурном отношении древнекипчакская антропонимическая система предполагала двухкомпонентное имя, причем один компонент был личным именем, второе имя, могло быть представлено родовым именем, титулом, семейным или патронимическим прозвищем [15–18]. Взаимодействие между когнициями древних тюрков и древних кипчаков отражается в двухкомпонентной системе именования, где сохраняются древние родоплеменные и возникают индивидуальные имена. Второе имя являлось, как правило, кодификатором, выделяющим данное лицо из круга остальных лиц [19, 20].

К когнициям древних кипчаков относятся основные способы словообразования: аффиксальный (наиболее характерны следующие аффиксы: -лык/-лук – аффикс обладания; -чи/-чы – аффикс, обозначающий профессию; -сиз/-сыз – аффикс отсутствия, не обладания и др.) и корневая (безаффиксальная) модель антропонима, например *Барс*, *Ана*. Из моделей глагольного словообразования наиболее продуктивны в древнетюркской антропонимии следующие аффиксы: -миш/-мыш – аффикс причастия настояще-прошедшего времени; -уш/-ыш – аффикс времени действия; -син/-сын – повелительные формы третьего лица. Образование аналитических антропонимов в тюркских языках базируется на простых детерминативных определительных сочетаниях типа *Ана Тархан* – «Старший тархан», синтетическая модель образования включает в себя модели именного и глагольного словообразования.

Таким образом, во второй схеме субъект (модус древних кипчаков) опирается на предшествующий опыт людей, а именно на модус древних тюрков (см. схему 1), где модальное оценочное значение принадлежало коллективу людей, связанных кровнородственными отношениями, и объектом этих отношений являлись родоплеменные имена,

а модальная рамка толкования сводилась к языческой вере (в защитную функцию кукол). Древние кипчаки не только сохранили этот опыт, но и развивали дальше. Существовавший стереотип модальных связей, отношений древних тюрков сохранился в модусе древних кипчаков, а именно модальная рамка толкования заключается в равенстве имени носителю. Соответственно, сохранились модусы оценки, т.е. способы и средства выражения модальности [21. С. 230].

Взаимодействие между когнициями людей и носителей других языков прослеживается в среднетюркский период (X–XV вв.), когда происходит слияние языков, что ведет к формированию единой духовной и материальной культуры, являющейся причиной функционирования в именнике сибирских татар антропонимов различного происхождения [15. С. 180]. Смена модуса древних кичаков на модус сибирских татар (*схема 3*) произошла в результате изменения объективной действительности, т.е. естественный процесс тюркизации и распространение ислама повлияли на модус кипчаков.

Период	Субъект	Объект	Характер оценки	Основание оценки	Модусы, концепты
XX–XXI вв.	Родители, ослабление влияния религиозных деятелей и мнения старших	Имена без религиозного содержания, светские имена	Теряют устойчивость имена с рациональными, увеличиваются с сублимированными и сенсорными оценочными значениями	Массовая атеизация населения, отделение религии от государства	<i>Модус сибирских татар</i> Имя = символ

Схема 3

Проникновение мусульманских имен происходило несколько столетий. Причиной тому является противостояние местного язычества новой религии. Д. Исхаков отмечает, что прибытие мусульманских вероучителей в Западную Сибирь можно датировать первой половиной XV в. На основе исторических документов он констатирует «о знакомстве с исламом населения бассейна р. Иртыша и до времени *правления Мухаммеда Шайбани хана*» [22. С. 86]. Первое «*знакомство с исламом*» было насильственным. *Ишан Багаутдин* поручил своим шейхам «*учинить... великую войну за веру*» с татарами, «не имевшими истинной веры и истинных понятий и поклонявшихся *куклам*». Во второй половине XVI в. – в период *правления хана Кучума* – Сибирское ханство уже предстает как мусульманское государство, пишет Д. Исхаков, справедливо оставляя под вопросом «глубину проникновения ислама в народные массы. В течение XV–XVI вв. наблюдаются волны исламизации населения данного ареала, но тем не менее среди некоторых групп сибирских татар исламизированность остается слабым вплоть до XVIII в.» [5. С. 125].

Субъектом оценочных суждений стали не только родители, но и мусульманские вероучители, которые и занимались непосредственным имя-

наречением. Модальная рамка толкования зависела от глубины проникновения ислама в народные массы, т.е. от степени осознанности, так как нарекать ребенка мусульманскими именами могли родители, которые хорошо усвоили ислам и следовали учению Корана. Объект модальных оценочных отношений соответствовал языковому концепту: «имя = слову божьему». Именник сибирских татар в данный период характеризуется наличием антропонимов общетюркского и арабского происхождения.

Таким образом, со сменой модальной рамки толкования и соответственно меняется характер оценки, т.е. выбор модальных значений именования. В значениях имен прилагательных выделяется денотативный компонент, передающий общее логическое понятие, заключенное в слове – это имена-эпитеты Аллаха (*Аптунасар, Аптукалил, Кадыр, Рахим*). Стилистические характеристики языковых единиц наиболее ярко выражены в следующих моделях словообразования: модель «*Суц. + прил.*». Данная группа включает большое количество арабских религиозных имен, например раб + *Величайший* – раб *Величайшего* (*Аптуласис*), модель «*прил. + суц.*» (*Алимчан – знающий, осведомленный + чан/джан*) и др. Субъект выбирает имена с психологически-интеллектуальными оценками (*Уалы* – прозорливый, *Шайлы* – подходящий, удобный, ср. с русской системой: *Агей* (др.-евр.) – торжественный, праздничный, *Амплий* (лат.) – блистательный, *Василий* (греч.) – царский, царственный). Номинарующее лицо прибегает к сублимированным оценкам, т.е. пытается возвеличить номинируемого, поставить его в лучшее положение, предсказать, какое он будет занимать место в обществе (*Амир* (араб.) – идущий впереди, *Ахмет / Ахмед / Ахмад* (араб.) – восхваляемый, ср. с русской системой: *Алтий* (греч.) – беспечальный, *Амвросий* (греч.) – божественный, *Анастасий* (греч.) – возрожденный, воскресший, *Аристарх* (греч.) – лучший), которые относятся к разряду этических оценок, связанных с моралью, честью, достоинством. Модус сибирских татар, как установка говорящего в структуре высказывания, заключается в именовании мусульманскими именами, т.е. содержание его высказывания заключается в тождестве «имя = слову божьему».

Сибирские татары стали расширять свой именник не только именами религиозного содержания, но и антропонимами светского характера, что нашло отражение в антропонимической системе сибирских татар. Исламский образ мышления формировал новое мировоззрение, новую картину мира, что привело к утрате значения, актуальности семантики имени, имя стало чистым символом новой культуры, которая формировалась под влиянием таких факторов, как собственно этнические традиции и традиции арабо-иранской цивилизации [20, 22]. Оценочные отношения между субъектом и объектом отразились на внешнем и внутреннем содержании имени, привели к утрате актуальности семантики антропонимов, т.е. учитывались родителями его благозвуч-

ность, национальный характер, уместность сочетания с фамилией, именем отца, братьев, сестер и др. Слова-символы – это ничем не мотивированные, условные обозначения действительности, значение слова всегда можно определить посредством ссылки на значение соответствующего языка-основы.

С точки зрения современной лингвистики, оценка рассматривается как логико-семантическая категория, характер и природа которой обуславливают специфику оценочных номинаций, их семантическую структуру и типы отношения между ними [21]. Таким образом, в оценочных суждениях как логической форме отражаются наиболее общие законы человеческого мышления, имеющие общечеловеческий характер. Как логическая форма мышления оценка имеет вербальную форму выражения – в оценочных высказываниях естественного языка, представляя собой некий интегрированный сплав логического и грамматического [13]. Эти семантико-грамматические единицы являются результатом языковой категоризации (языковой системы), отражают особенности конкретного языка и, в отличие от логических форм, имеют вненациональную природу.

В сфере языкового мышления протекают две стороны единого процесса организации мысли – логическая и семантико-грамматическая. Универсальные логические формы не существуют вне национальных семантических форм мышления, неотделимы от лексико-грамматических форм конкретного языка. Однако, являясь универсальной категорией, оценка как логическая категория включается в систему языка и тем самым в виде языковых значений превращается в языковые элементы [12].

Таким образом, категория аксиологической модальности находит свое выражение в конкретном языке в виде практической речи, параметры которой (источник знания или мнения, цель сообщения, эмоции и желания, степень уверенности и неуверенности, и другие, соотносящиеся с объективной действительностью (историческими, языковыми процессами, религиозностью) и соответствующие модальной рамке толкования носителя языка (синхронии)) актуализируются в виде теоретической речи (лексико-семантические, лексико-тематические группы, словообразовательные элементы языка и др.) как результат оценочного суждения (когниции) в диахронии.

Заключение

Эволюция аксиологической модальности в антропонимической системе сибирских татар связана со сменой модусов древних тюрков, кичаков и сибирских татар. Причиной тому стала объективная действительность, т.е. исторические процессы (взаимодействия племен и родов, процесс тюркизации и исламизации).

Модус субъекта (носителя языка) по поводу содержания высказывания (имени) соответствует модальной рамке толкования, завися-

щей от степени религиозности носителя языка, что стало второй причиной смены модусов. Если меняется модальная рамка толкования, то меняется объект (родоплеменные имена; индивидуальные, персонализирующие; исламские имена, имена-символы) и его языковая система (антропонимическая система древних тюрков, кипчаков, сибирских татар). В каждой схеме субъект опирается на предшествующее поколение людей и их опыт, сохраняет этот опыт и развивает далее, передавая языковые когнитии, которые закрепляются в письменных источниках. В каждой схеме в синхронии существует свой стереотип модальных связей и отношений, который может меняться в диахронии.

Рассматривая стереотип модальных связей и отношений в синхронии, мы имеем дело с практической речью, субъективной модальностью, в диахронии – с теоретической речью, объективной модальностью. Так создается самонакапливающее программное обеспечение в человеческом сознании, которое становится со временем теоретической речью и хранится в памятниках, писаниях и т.д.

Оценочные отношения между субъектом и объектом стереотипны только на определенных уровнях, при переходе на новый уровень развития общества стереотип тоже меняется, т.е. и сам стереотип динамичен. Стереотипы возникают в результате неоднократного повторения тех или иных связей, взаимоотношений, они мотивированы поведением людей данного этнокультурного сообщества. Слова-символы – это ничем не мотивированные, условные обозначения в языке, значение которых можно определить посредством нахождения соответствующего языка-основы.

Рассмотрение эволюции модусов (речемыслительной деятельности субъектов) в тесной связи с историей общества, развитием языка и закономерностями семантических процессов в лексике, закономерностями внеязыковых логических или психологических явлений представляет собой аксиологическую модальность в диахронии.

В структуре оценочного суждения в синхронии по существу рассматривается лексико-семантическое развитие антропонимов, где под лексическим значением слова понимается его семантика и та часть прагматики, которая включается в модальную рамку толкования. Одной из особенностей последней является способность смысловой структуры слова проявляться через лексико-семантические подсистемы: синонимические ряды, лексико-семантические и экспрессивно-стилистические группы слов.

Существует множество мнений о необходимости выведения эмоционально-экспрессивных отношений из круга модальности. За сохранение этих отношений в модальности выступал в свое время В.В. Виноградов, подробно изучавший эту категорию и более широко трактовавший модальность как грамматически выражаемое отношение говорящего к действительности, к содержанию речи [22]. Мы полностью согласны с

его определением модальности, включая и эмоционально-экспрессивную оценку говорящего. Теория модальности, разработанная ученым и представителями его школы, имеет большое значение для нашего исследования природы оценки, которая рассматривается как один из видов модальности, т.е. отношение субъекта к объектам окружающего мира.

Литература

1. **Приходько А.И.** О соотношении оценки и модальности в языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 42–44.
2. **Бодуэн де Куртенэ И.А.** Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний // Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. С. 19.
3. **Бодуэн де Куртенэ И.А.** Введение в языкознание // Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2. С. 291.
4. **Суперанская А.В.** Апеллятив – онома. Имя нарицательное и собственное. М. : Наука, 1978. С. 8.
5. **Гильфанова Ф.Х.** Аксиологическая модальность в антропонимической системе сибирских татар. Тюмень, 2017. 209 с.
6. **Томшилов Н.А.** Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX вв. Новосибирск, 1992. С. 36.
7. **Саттаров Г.Ф.** Татар исемнәре ни сөйли? Казань : «Раннур» нәшрияты, 1998. С. 83.
8. **Махширов В.У.** Имена далеких предков. Алматы : Ин-т востоковедения МН-АН РК, 1997. 299 с.
9. **Успенский Б.А.** Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994. С. 151–163.
10. **Галперин И.Р.** Текст как объект лингвистического анализа. М. : Наука, 1981. 138 с.
11. **Золотова Г.А.** О модальности предложения в русском языке // Филологические науки. 1962. № 4. С. 65–79.
12. **Панфилов В.З.** Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 37–48.
13. **Петров Н.Е.** О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск : Наука, 1982. 116 с.
14. **Яворська Г.М.** Про деонтичну модальність мовних норм // Вюник КДЛУ: Серія: Фшолопя. 2000. Т. 1, № 1. С. 58–65.
15. **Радлов В.В.** Этнический обзор тюркских племен Южной Сибири Джунгарии. Томск, 1888. 260 с.
16. **Lakoff G.** The Pragmatics of Modality // Papers from the Chicago Linguistic Society. Chicago. 1972. Vol. 8. P. 229–246.
17. **Хвесько Т.В.** Имя в сознании человека // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 696–704.
18. **Хвесько Т.В., Мажникова В.Д.** Имянаречение в сетевом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (36). С. 67–69.
19. **Карасик В.И.** Язык социального статуса. М. : Ин-т языкознания РАН; Волгоград. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
20. **Ильина А.А.** О возрождении языка, культуры, обрядов, традиций обычаев сибирских татар. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-omskogo-universiteta-seriya-istoricheskie-nauki>
21. **Вольф Е.М.** Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.
22. **Исхаков Д.М.** Введение в историю сибирского ханства. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.

23. **Виноградов В.В.** Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М. : Наука, 1975. 560 с.

Сведения об авторах:

Хвесько Тамара Владимировна – доктор филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия).

E-mail: khvesko@inbox.ru

Нагель Ольга Васильевна – доктор филологических наук, декан факультета иностранных языков, Национальный исследовательский Томский государственный университет. E-mail: olga.nagel2012@yandex.ru

Гильфанова Фарида Харисовна – доктор филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия).

E-mail: gilfanova19@rambler.ru

Басуева Надежда Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия).

E-mail: n.y.basueva@utmn.ru

Поступила в редакцию 14 января 2021 г.

EVOLUTION OF AXIOLOGICAL MODALITY IN SIBERIAN TATARS ANTHROPONYMIC SYSTEM

Khvesko T.V., Ph.D. (Philology), Associate Professor, Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: khvesko@inbox.ru

Nagel O.V., D.Sc. (Philology), National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: olga.nagel2012@yandex.ru

Gilfanova F.H., Ph.D. (Philology), Associate Professor, Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: gilfanova_19@rambler.ru

Basueva N.Y., Ph.D. (Sociology), Associate Professor, Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: n.y.basueva@utmn.ru

DOI: 10.17223/19996195/53/7

Abstract. The article deals with the evolution of axiological modality in the anthroponymic system of the Siberian Tatars in synchrony and diachrony, in the aggregate of closely related parameters of language and speech. The distinction between the synchronic and diachronic approaches is related to the word-forming units of the language, which contain information about the value system of an ethnic group. Evaluation in synchrony is defined as the state of consciousness of the subject of speech. This manifests itself in such parameters as the source of knowledge or opinion, the purpose of the message, emotions and desires, and the degree of confidence. We consider the functioning of language concepts in a certain historical period as images of "name (word) = person", "name (word) = the word of God", "name = symbol", where the main unit of study is the word in its lexical and semantic relations. Evaluativeness, as a set of semantic and stylistic features of language units, provides the ability to act in communicative speech (practical) as a means of subjective expression of the speaker's attitude to the content of speech. This is a sign of subjective modality. The study of the axiological modality in diachrony allowed us to identify the reasons for the change of some language concepts to others, as well as to establish which modus served as the base for cognitive modifications. The study of the modus of the subject in synchrony reflects human cognitions at a certain stage of the development of society. In diachrony - in the process of historical development of an ethnic group, concepts are fixed in archival documents, speech works, being fixed by writing or human memory, they belong to an objective modality. The consideration of the evolution of modes (speech-thinking activity of subjects) in close connection with the history of society, the development of language, and linked to the laws of semantic processes in vocabulary, with the laws of extra-linguistic logical or psychological phenomena is an axiological modality in diachrony.

In the structure of value judgment in synchrony, the lexical-semantic development of anthroponyms of the Siberian tatar is essentially considered, where the lexical meaning of a word-anthroponym is understood as its semantics and pragmatics that is included in the modal framework of interpretation, and one of the features of which is the ability of the semantic structure of a word to manifest itself through lexical-semantic subsystems: synonymic series, lexical-semantic and expressive-stylistic groups of words.

Keywords: evolution; axiological modality; evaluation; evaluativeness; value of the world; anthroponymic system.

References

1. Prihodko A.I. O sootnoshenii otsenki i modalnosti v yazyke // Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2010. № 12. pp. 42–44.
2. Boduen de Kurtene I.A. Zametka ob izmenyaemosti osnov skloneniya, v osobennosti zhe ob ih sokrashhenii v polzu okonchaniy / I.A. Boduen de Kurtene // Izbr. trudy po obshhemu yazykoznaniiyu. T. 2. P. 19.
3. Boduen de Kurtene I.A. Vvedenie v yazykoznanie // Izbr. trudy po obshhemu yazykoznaniiyu. M., 1963. T. 2. P. 291.
4. Superanskaya A.V. Apellyativ–onoma. Imya naritsatelnoe i sobstvennoe. M.: Nauka, 1978. P. 8.
5. Gilfanova F.H. Aksiologicheskaya modalnost v antroponimicheskoy sisteme sibirskih tatar. Tyumen, 2017. 209 s.
6. Tomilov N.A. Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadno-sibirskoy ravniny v kontse XVI – nachale XX vv. Novosibirsk, 1992. P. 36.
7. Sattarov G.F. Tatar isemnære ni sejli? Kazan: «Rannur» nashriyaty, 1998. P. 83.
8. Mahpirov V.U. Imena dalekih predkov. Almaty: In-t vostokovedeniya MN-AN RK, 1997. 299 p.
9. Uspenskij B. A. Mena imen v Rossii v istoricheskoy i semioticheskoy perspektive // Izbrannye trudy. T. 2. Yazyk i kultura. M., 1994. pp. 151–163.
10. Galperin I.R. Tekst kak obekt lingvisticheskogo analiza. M.: Nauka, 1981. 138 p.
11. Zolotova G.A. O modalnosti predlozheniya v russkom yazyke // Filol. nauki. 1962. № 4. pp. 65–79.
12. Panfilov V.Z. Kategoriya modalnosti i ee rol v konstruirovanii struktury predlozheniya i suzhdeniya // Voprosy yazykoznaniiya. 1977. № 4. pp. 37–48.
13. Petrov N.E. O sodержanii i obeme yazykovoy modalnosti. Novosibirsk: Nauka, 1982. 116 p.
14. Yavorska G. M. Pro deontichnu modalshst movnih norm // Vyunik KDLU: Seriya «Fsholopya». 2000. T. 1, № 1. pp. 58–65.
15. Radlov V.V. Etnicheskij obzor tyurkskih plemen Yuzhnoj Sibiri Dzhungarii. Tomsk, 1888. 260 p.
16. Lakoff G. The Pragmatics of Modality // Papers from the Chicago Linguistic Society. Chicago. 1972. Vol. 8. P. 229–246.
17. Khvesko T.V. Imya v soznanii cheloveka // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2016. № 24. pp. 696–704.
18. Khvesko T.V., Mazhnikova V.D. Imyanarechenie v setevom diskurse // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2013. № 3 (36). pp. 67–69.
19. Karasik V.I. Yazyk sotsialnogo statusa. M.: In-t yazykoznaniiya RAN; Volgogr. gos. ped. in-t, 1992. 330 p.
20. Ilina A.A. (2016) O vozrozhdenii yazyka, kultury, obryadov, traditsij obycheev sibirskih tatar. <https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-omskogo-universiteta-seriya-istoricheskie-nauki>
21. Volf E.M. Funktsionalnaya semantika otsenki. M.: Nauka, 1985. 228 p.
22. Ishakov D.M. Vvedenie v istoriyu sibirskogo hanstva. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2006. 196 p.
23. Vinogradov V. V. Izbrannye trudy: Issledovaniya po russkoj grammatike. M.: Nauka, 1975. 560 p.